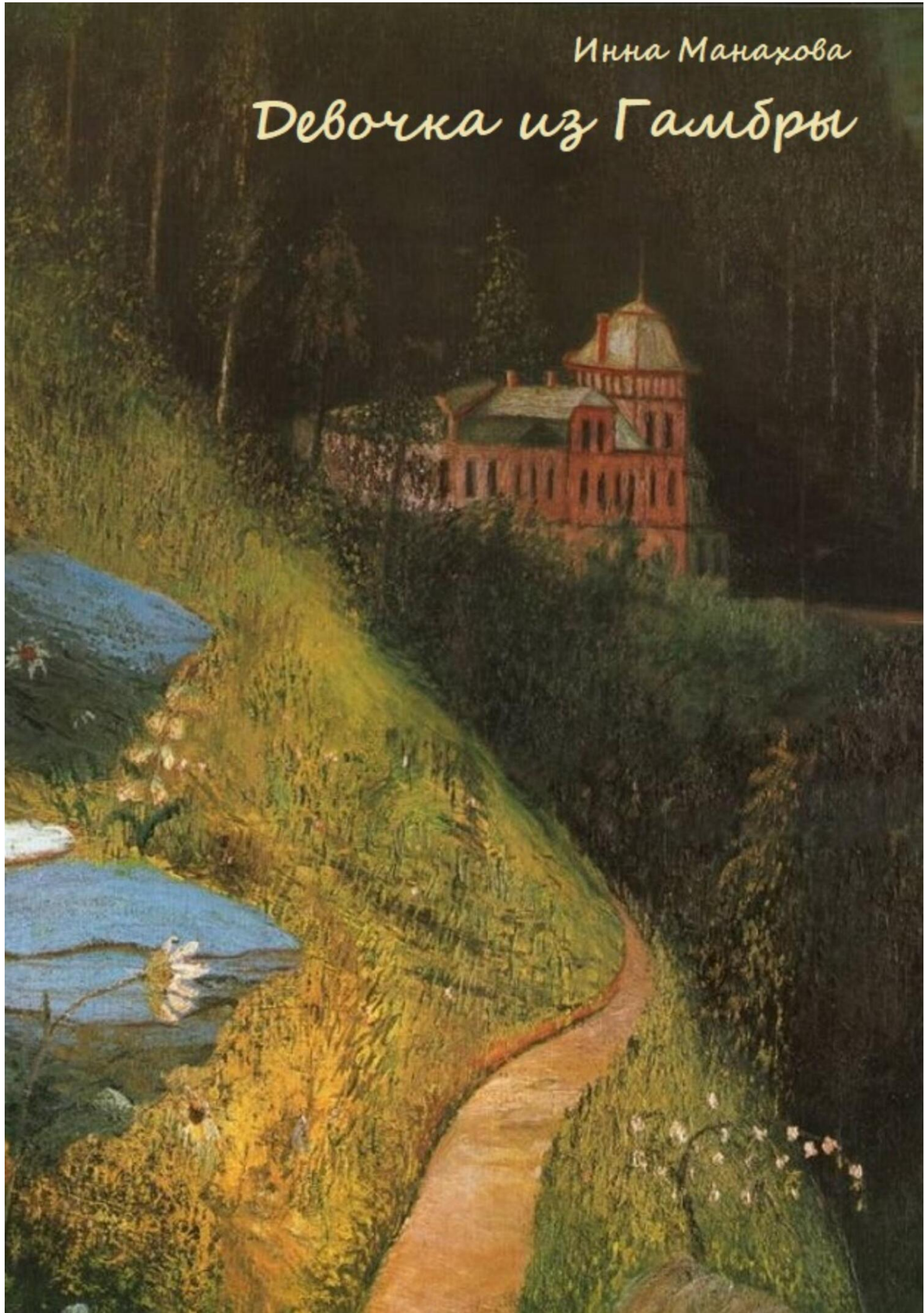

Инна Манахова

Девочка из Гамбры

Инна Манахова

Девочка из Гамбры

«Автор»

2023

Манахова И. В.

Девочка из Гамбры / И. В. Манахова — «Автор», 2023

В Гамбре, прекрасной маленькой стране на морском побережье, живет обычная девочка, застенчивая, робкая и мечтательная. Ее счастливое детство тихо и безмятежно проходит среди родных и любимых людей в деревушке на берегу залива в окружении гор. Однажды летом привычная жизнь девочки рушится, когда в стране вспыхивает война...

© Манахова И. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Гамбра	8
Глава 1. Олли и Никка	8
Глава 2. Папа	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Инна Манахова

Девочка из Гамбры

Пролог

Это случилось в первый день лета. Для нас, студентов университета искусств, каникулы еще не начались, в ближайшие дни предстоял экзамен по истории живописи. Но зубрить уже не было сил, а при взгляде в раскрытый учебник возникало одно желание – искупаться. И тогда, под предлогом подготовки к экзамену на природе, я пригласил Мариам, самую красивую девушку с нашего факультета, провести этот солнечный день со мной на Золотом пляже. Я основательно подготовился к поездке: захватил фотоаппарат, маску с аквалангом, циновку, бутылку брусничного морса, альбом и карандаши для рисования, бумажного змея и, конечно же, пляжный зонт. Учебники в рюкзак не поместились, но я и не думал их брать, справедливо рассудив, что круглая отличница Мариам наверняка притащит все необходимое для подготовки к экзамену. Также я убедился, что на карте у меня достаточно денег, чтобы купить нам обоим поесть и угостить ее мороженым, если захочет. Мы договорились встретиться на Южном Вокзале в девять, и когда я примчался туда без пяти, Мариам уже давным-давно сидела на своем рюкзаке прямо под часами и преспокойно читала книгу. Мне очень понравилось, что она пришла первой, наплевав на кокетство, а еще больше понравилось, что она надела свое лучшее желтое платье, которое так шло к ее смуглой коже и черным глазам. Я также заметил, что она не собрала свои темные кудри в пучок, как обычно, а распустила их по плечам и оттого казалась еще красивее. Я подошел к ней не сразу, сперва сфотографировал ее: мысленно и на фотоаппарат. Потом купил нам обоим билеты на электричку в ближайшей кассе. И только потом направился к ней, не спеша – пусть не думает, будто я сбился с ног, летя на свидание. Мариам встретила меня деловито и без улыбки, сразу встала и протянула мне книгу и рюкзак, взяла меня под руку, словно мы с ней были женаты уже сто лет, и решительно повела на платформу. Легкий ветерок развеивал ее роскошные кудри и желтое платье, и я заметил, что многие пассажиры на платформе оборачивались на нее и восхищенно смотрели ей вслед. А Мариам как будто бы совсем не замечала этих жадных взглядов: шагала рядом со мной, как ни в чем не бывало, и вполголоса пересказывала мне сюжет романа, который она начала читать сегодня утром. Ее тихое занудство нисколько не раздражало, а, наоборот, умиляло меня и казалось мне трогательным и забавным. С некоторых пор все, что говорила и делала Мариам, вызывало у меня только радостные чувства, в основном, нежность и восхищение. Но ей я об этом, разумеется, не говорил и очень старался ничем себя не выдать.

День на пляже пролетел как одна минута и превзошел мои самые смелые ожидания. Ни я, ни Мариам ни разу не заглянули в учебники, зато вдоволь накупались в ледяной синей воде залива! А еще мы по очереди ныряли в маске, плавали наперегонки до утеса, лазали по прибрежным осколкам скал, бродили, держась за руки, по мелководью, распуская стайки крошечных рыб, валялись на шершавом белом песке, раскинувшись под лучами палящего летнего солнца, и лениво потягивали брусничный морс по очереди из одной бутылки. Я украдкой разглядывал Мариам и порою с трудом удерживался от странного желания прикоснуться к ее волосам или к щеке. Но день выдался такой замечательный, что не хотелось рисковать и портить его неосторожным порывом, тем более что и Мариам все еще держалась со мной немного отчужденно: почти не смотрела мне в глаза и всякий раз, когда я ее фотографировал, отворачивалась или закрывала ладонью объектив. Впрочем, она всегда была одиночкой: молчаливая, отстраненная, вечно погруженная в какую-нибудь книгу. Не помню, чтобы она дружила с кем-то в университете, кроме меня. Будучи признанной первой красавицей, она с равнодушием

относилась и к восхищению, и к зависти, и к тонкой лести, и к откровенному злорадству. Удивительно, что она вообще меня заметила и сперва согласилась сидеть со мной рядом на лекциях, потом начала обедать в моей компании в «Кирпиче» и, как вишенка на торте, приняла мое приглашение отправиться на Золотой пляж и провести со мной наедине весь бесконечно долгий летний день. Я надеялся, что со временем она ко мне привыкнет и раскроет одну за другой все свои тайны. А пока нужно было набраться терпения, чтобы не спугнуть ее раньше времени. И я терпеливо ждал и, между делом, рисовал ее портрет. Первый и самый лучший эскиз я набросал на пляже, глядя на Мариам, сидящую на берегу и сонно смотрящую в морскую даль. Второй эскиз был сделан уже на вокзале, где Мариам ела горячие обсыпанные сахарной пудрой пышки из бумажного пакета в ожидании электрички. Третий эскиз я закончил, сидя с ней рядом в вагоне электрички и глядя на нее сбоку. Он вышел самым неудачным: Мариам на нем получилась красивой, но какой-то банальной и слащавой красотой, и совсем не похожей на себя саму. Едва увидев этот третий эскиз, Мариам потянулась ко мне, отобрала у меня блокнот и отшвырнула его на соседнее сиденье. А потом она не отпрянула от меня, а продолжала полулежать, прижимаясь щекой к моему плечу, а я сидел, окаменев от неожиданности, с колотящимся от волнения сердцем, и боялся лишний раз вздохнуть. В моей голове празднично взрывались фейерверки, я ликовал! А Мариам, спокойная, безмолвная, тихонько дышала мне в плечо и все не отодвигалась. Увидев свое отражение в оконном стекле напротив, я с удивлением обнаружил, что на моих губах играет глупейшая улыбка. Я был абсолютно счастлив. Впрочем, мое счастье длилось совсем недолго: буквально через минуту все перевернулось с ног на голову и превратилось в какой-то неожиданный нелепый и дикий фарс. А началось все с сущей мелочи, как, наверное, начинается все самое худшее в нашей жизни. Я увидел на стене вагона рекламный листок, гласивший: «Отдыхайте в санаториях Золотого пляжа!» Под зазывной надписью был изображен восхитительный старинный дом с черепичной крышей и створчатыми окнами, уютно расположенный на склоне живописного зеленого холма, смотрящий красивым фасадом на синие искрящиеся на солнце воды залива. Я с восхищением разглядывал величественный дом, его пустынную террасу с белыми колоннами, деревянную крутую лестницу, убегавшую прямо к морю, и, замечтавшись, предложил Мариам: «Давай после экзаменов найдем это место и съездим туда вдвоем?» Но не успел я договорить, как почувствовал, что она сильно напряглась и сразу отодвинулась от меня подальше. Повернувшись к ней, я увидел ее смертельно побледневшее лицо, с которого разом сбежали все яркие краски. Она потрясенно смотрела, приоткрыв рот, на этот старинный дом с выражением глаз, которое я никогда у нее раньше не замечал, и как будто бы начинала задыхаться. Ее лицо из просто бледного стало совсем серым, горло мучительно напрягалось, вокруг губ появилась синяя полоска, на висках и на лбу выступили крупные капли пота. Казалось, ей мучительно не хватает воздуха, она была на грани обморока.

– Что случилось? – спросил я с тревогой и легким страхом за нее.

– Ты ничего странного не замечаешь на этой картине? – шепотом спросила Мариам, не глядя на меня, – Смотри на террасу! Видишь?

Я пригляделся и действительно увидел лежащие на террасе костыли.

– Наверное, какой-то отдыхающий их оставил, – осторожно предположил я, – Кто-то приехал в санаторий лечиться, гулял на костылях по террасе и...

– Нет! – с нажимом прошептала Мариам, – Нет, не то!

– Да что происходит, объясни! – потребовал я, – Что тебя так напугало? Если не эти дурацкие костыли, то что?

Мариам повернулась ко мне и посмотрела на меня в упор потемневшими полными слез глазами.

– Я тебе скажу, что случилось, – еле слышно прошепестел ее упавший голос, – Это вовсе не санаторий, не Золотой пляж, не Эспозия... Это вообще никакая не реклама, а фото из моего

прошлого! Ни дома, ни холма, ни лестницы давно уже нет, они стерты с лица земли, а люди, которые там жили, погибли, и их могилы потеряны и забыты! Это фото оказалось здесь совершенно случайно, наверное, у них есть какой-то архив, где хранятся фотографии военных лет, и этот архив попал в ненадежные руки... Если бы они только знали, что здесь изображено, они бы никогда не повесили его в электричке, где все люди могут увидеть, догадаться, вспомнить, узнать! Они ведь хотели стереть нас из памяти, навсегда вычеркнуть нас из жизни, замести все наши следы... Они запретили наши имена, нашу родную речь! Даже название нашей родины до сих пор под запретом! Знаешь, что это такое на фото? Знаешь, как называется этот край? – Мариам уже почти кричала.

– По-моему, ты бредишь, – неуверенно отозвался я, нервно оглядываясь. Пассажиры электрички смотрели на нас с недоумением и испугом. Встретившись со мной взглядом, многие поспешно отводили глаза.

– Успокойся! – тихо приказал я, краснея за нее перед всем вагоном, – Ты, похоже, перегрелась на солнце и заговариваешься. Это из романа, который ты сейчас читаешь, да?

– Ты не понимаешь! – с тоской прошептала Мариам, – Не хочешь понимать! Боишься! Считаешь меня сумасшедшей? Но я говорю тебе правду! Я больше не могу молчать! Ведь это же Гамбра там на фото! Моя Гамбра!

Но едва Мариам произнесла эти слова, как тут же закрыла рот ладонями, и ее лицо искажилось от ужаса, словно она только что разгласила величайшую опаснейшую тайну. Ее глаза расширились и совсем почернели, по щекам покатились крупные слёзы. Еще мгновение – и она потеряла сознание, а я подхватил ее на руки и прижал к себе. От моей прежней радости не осталось ни следа. Мне было очень одиноко, тоскливо и страшно.

Часть 1. Гамбра

Глава 1. Олли и Никка

Олли и Никка приходились друг другу сестрами, но во всей Гамбре от Земляничной до Медвежьей горы не нашлось бы двух других столь непохожих друг на друга девочек. Старшая, Никка – робкая, безответная, серьезная до угрюмости, больше всего на свете любила прятаться: в спальне под кроватью, в маминем платяном шкафу, на кухне за печью, в саду на дне глубокого пересохшего колодца. До рождения Олли Никка была самой одинокой девочкой на свете, а потому рано, еще в три года научилась читать. Когда ей исполнилось пять лет, она обнаружила в роще за домом берлогу, сооруженную, обжитую, а потом почему-то покинутую неведомым хищным зверем, и обустроила там свое тайное гнездышко – принесла туда любимые книги, тряпчатого пони с шелковистой челочкой, шкатулку с сокровищами: стеклянными шариками, разноцветными бусинами, монетками разного достоинства, игровой картой с изображением дамы червей, которую Никка в глубине души считала самой красивой девушкой на свете. Была в шкатулке и крохотная гипсовая балерина с отломанной ногой и отколотым носом, и папин подарок – миниатюрный стереоскоп, а к нему – пачка слайдов, запечатлевших самые важные события в Гамбре: коронацию, празднование Дня Независимости, сбор ягод на Земляничной горе, летний бал-маскарад на горе Медвежьей, а также любимый праздник Никки – День Детства, в который всем без исключения детям Гамбры разрешалось ездить верхом на пони по главным улицам и площадям города Гомбар, сколько угодно кататься на каруселях, смотреть кино под открытым небом, лежа на зеленой лужайке перед Королевским дворцом, и плавать на лодочках по Королевскому пруду и городским каналам. А еще в этот день детей бесплатно угощали воздушной кукурузой и розовой сладкой ватой во всех палатках Гомбара, а на Площади независимости перед ратушей им дарили цветы и воздушные шарик. В Вафельном дворе с раннего утра и до поздней ночи маленьким посетителям подавали свежеспеченные вафли с мороженым и фруктами, а в кондитерской «Шоколадное яблоко» ровно в полдень накрывали сладостями огромный детский стол, к которому можно было подходить и брать все, что душе угодно! Никка, известная сладкоежка, мечтала провести ближайший День Детства, поочередно заходя то в «Шоколадное яблоко», то в Вафельный дворик. Верхом на пони она не каталась. У Никки, пожалуй, единственной девочки в Гамбре, не было собственного пони, потому что она панически боялась лошадей, какими бы маленькими эти лошади ни были.

Совсем из другого теста была младшая, Олли, бойкая, веселая и бесконечно храбрая девочка. Хохотушка, солнышко, «маленький генерал», как звал ее папа, единолично руководящая ватагой детей с Земляничной горы, многие из которых были намного старше ее самой. Едва научившись говорить, Олли потребовала купить ей пони, а в три года уже смело разъезжала по деревне верхом на своем верном Урффе. В пять лет Олли начала участвовать и побеждать в королевских турнирах по верховой езде. В группе младшего школьного возраста ей не было равных, и тогда ее перевели соревноваться с ребятами постарше, где она продолжала одерживать одну победу за другой. Кроме пони под командованием малышки Олли находились рыжий бородатый пес Яррве и толстый ленивый белый кот Момми. Вторым после верховой езды любимым занятием Олли было лазание по деревьям в саду. Олли взмывала на дерево стремительно, словно птичка, и бесстрашно прыгала с ветки на ветку, собирая сладкую черемуху, сочную черешню, наливные яблоки, бархатные персики и зеленые груши, которыми был так богат огромный старый летний сад у родного дома.

Даже внешне маленькие сестры ничуть не походили друг на друга. Никка – высокая, худенькая, слабая, словно былинка, с коротко подстриженными в кружок темными волосами

и печальными глазами потерявшегося щенка; Олли – коротышка, крепкая, коренастая, с копной золотых кудрей и лукавыми круглыми глазками, немного напоминающая взъерошенного воробушка.

Но, несмотря на всех их различия, Олли и Никка были неразлучны. В друзьях у Олли ходили все девочки и мальчики Гамбры от мала до велика, но Никка неизменно занимала первое место в ее крохотном детском сердечке. А у Никки не было никого, кроме Олли, но рядом с Олли ей и не нужен был больше никто.

Летом, которое войдет в историю как «последнее лето Гамбры», девочки всерьез увлеклись кладоискательством. На рассвете они втайне друг от друга зарывали маленькие клады в саду и оставляли друг для друга у пересохшего колодца собственноручно нарисованные карты, по которым эти клады можно было отыскать. На поиск кладов отводился ровно один день. Поздним вечером, лежа в соседних кроватках, Олли и Никка делились находками и впечатлениями. Иногда они могли и немного повздорить, в основном, из-за того, что Никке все никак не удавалось обнаружить Оллин клад из-за «неправильно» нарисованной карты.

– Почему? Почему неправильно? – горячилась Олли, – Я тебе все-все нарисовала, как полагается!

– А это, по-твоему, что? – возмущалась Никка, развернув карту, – Гигантская лампочка? Или груша?

– Это ко-ло-коль-чик! – по слогам прокричала Олли.

– Тише ты! – прошептала Никка, с опаской оглянувшись на дверь спальни, – А то мама услышит! Какой еще колокольчик?

– Я повесила колокольчик на яблоню! – затараторила Олли, – Тебе надо было постоять в тишине и прислушаться! Колокольчик зазвенел бы на ветру, и ты бы услышала и подошла к яблоне, а от нее уже надо было начинать считать шаги!

– Ну ладно, а что это за клякса у забора? Мы же договаривались не зарывать клады за забором, или ты забыла?

– А я его там и не зарывала! – воскликнула Олли, подпрыгнув на кровати, словно мячик, – И не клякса это вовсе, а отломанная штaketина! Это я ее сломала, чтобы у Момми была своя дверка в заборе! Момми через эту дверку ходит в поле охотиться на мышей!

– Момми охотится? – удивилась Никка, – А я думала, он только на боку лежать умеет, да сливки воровать из погреба, пока бабуля не видит. Хорошо, пусть его дверка остается на карте, хоть я и не пойму, зачем ты вообще ее нарисовала. А теперь смотри сюда: что это за пятнадцать человечков шагают вдоль забора? И что это за жук в конце пути?

– Я этих человечков не только на карте нарисовала, но еще и на заборе, чтоб тебе понятно было! – с упреком зачастила Олли, – Они должны были привести тебя к месту, где зарыт клад! Видишь, каждый человечек тычет пальцем влево? Это значит, что нужно идти влево!

– А одного человечка нельзя было нарисовать? – поинтересовалась Никка, с недоумением глядя на карту, – Ведь они все показывают пальцем в одну сторону!

– Нельзя! – отрезала Олли, – А жук тут нарисован, потому что в конце пути я похоронила жука. Там могилка, на которой написано «МЖ». Это означает «майский жук». Рядом с могилкой я положила палочку от эскимо. Нужно было палочкой раскопать могилку и достать гробик с жуком.

– Это и есть твой клад? – возмущенно смяла карту Никка, – Мертвый майский жук – и все?

– Нет! Нет! Нет! – громко вереща, Олли проворно перелезла на кровать к Никке и схватила ее за плечи, – У гробика двойное дно! Я его сделала из двух спичечных коробков! Во втором коробке спрятана монетка в десять гамбриев!

– Знаешь, оставь-ка ты себе эти десять гамбриев! – махнула рукой Никка, – Отдай их маме, пусть купит тебе новый карандаш, и учись рисовать НОРМАЛЬНЫЕ карты!

– Да я НОРМАЛЬНО рисую! – закричала Олли, – Просто ты ужас какая недогадливая!
– Это я недогадливая? – обомлела Никка, – Ну хорошо! Тогда я не скажу тебе, что я сегодня увидела в мамином шкафу!

– Что? – замерла Олли.

– Догадайся! – подразнила ее Никка, показав язык, – Ты же догадливая, не то, что я!

– А ну говори! – Олли набросилась на Никку и принялась щекотать ее голые ноги. Некоторое время маленькие сестры боролись, хохоча и катаясь по кровати, пока Олли не оказалась победно сидящей верхом на Никке с подушкой наперевес.

– Говори! Говори! Говори сейчас же! – громко скандировала Олли.

– Слезь с моей шеи! – задыхаясь и смеясь, повторяла Никка, – Не скажу, пока не отпустишь!

Олли отшвырнула подушку, слезла с Никки и покорно отползла в изножье кровати. Никка, отдышавшись немного, нырнула под кровать и вернулась оттуда, бережно держа в руках что-то нежное, мягкое, небесно-голубое.

– Что это? – потрясенно прошептала Олли, глядя, как замороженная, на крохотные вязаные голубые пинеточки с синими лентами вместо шнурков, – Это для куклы?

– А вот и нет! – торжественно провозгласила Никка и, выдержав паузу, продолжала, – Я пряталась у мамы в шкафу и увидела там в углу целую корзину вязаных одежек! Всяких кофточек, шапочек, штанишек и носочков! И знаешь, о чем я подумала?

Олли отрицательно покачала головой, глядя на Никку с открытым ртом.

– Слушай, Олли, до того, как ты родилась, мама тоже вязала маленькую одежду, только не из голубой шерсти, а из розовой!

Олли недолго размышляла над сказанным, наморщив лобик. Очень скоро ее личико просияло. С ликующим воплем: «У нас будет братик!» – Олли задушила Никку в крепких объятиях.

– Тише ты! – снова шикнула на нее Никка, счастливо смеясь и одной рукой обнимая Олли, а другой пытаясь зажать ей рот, – Мама еще не ложилась, как бы она нас не услышала! Знаешь, Олли, если она прячет вязание, значит, не хочет никому пока рассказывать о братике.

– Но папа-то уж точно все знает, да? – допытывалась Олли.

– Думаю, знает, – согласилась Никка, важно кивнув, – Мама ему все-все рассказывает!

– Давай тогда спросим у него, будет у нас братик или нет? Чтоб уж точно знать! – возмущалась Олли.

– Можно, – подумав, ответила Никка, – Папа добрый, он не станет нас ругать за то, что мы догадались о братике раньше времени.

– А когда спросим? – не отставала Олли, с нетерпением поглядывая на Никку круглыми радостно блестящими глазками, – Завтра?

– Ну давай завтра, – вздохнула Никка, – Все равно ведь не успокоишься, пока все не выяснишь!

И совсем по-взрослому погладила маленькую Олли по щеке.

Глава 2. Папа

Папа работал плотником, восстанавливал старинную полуразрушенную королевскую усадьбу на Медвежьей горе, куда Никка каждый день приносила ему ужин. Путь до Медвежьей горы был неблизкий: сначала нужно было спуститься с Земляничной горы и пройти по тропинке через рошу, потом по дорожке из песка выйти к Стеклянному морю и пройти все побережье Гамбры. За побережьем шумел ветвями темный Медвежий лес, в чаще которого величественно возвышался огромный королевский дуб. Углубившись в лес, не сразу удавалось отыскать этот дуб, у подножия которого виднелись ступени резной деревянной лестницы. По этой лестнице нужно было подняться на вершину Медвежьей горы и выйти на террасу усадьбы. Плотники во главе с папой собирались по окончании работ в усадьбе достроить лестницу, чтобы можно было шагать по ступеням до самого побережья и прямо из волн подниматься обратно, на самый верх, за облака, откуда сейчас слышались стук молотков и свист пилы, и где всегда пахло свежеснятой древесной стружкой, дождем и, почему-то, лопнувшим от спелости арбузом. Поднявшись по лестнице в небеса, Никка оказывалась на просторной террасе с белыми колоннами, откуда открывался вид на всю Гамбру – самую прекрасную на свете страну на берегу Стеклянного моря. А за королевской усадьбой был разбит волшебный сад с розовыми кустами, апельсиновыми и лимонными деревьями и старинным фонтаном с чашей из белого мрамора, вокруг которой цвели диковинные лиловые, синие и голубые цветы, названий которых Никка не знала. Они с папой всегда обедали в саду у фонтана, вернее, папа обедал, а Никка с немим восторгом разглядывала сад, который каждый день поражал ее своей красотой, словно в самый первый раз. Никка всегда совершала свое путешествие к папе в одиночку, без Олли, которая была еще слишком мала, чтобы уходить так далеко от дома. Но эти одинокие походы с завернутым в узелок обедом для папы не пугали и ничуть не утомляли Никку. Наоборот, она наслаждалась каждой минутой своего пути! В роще Никка слушала торжественный многоголосный хор птиц, который редко замолкал лишь для того, чтобы в тишине отчетливее прозвучала нежная переливчатая рулада самой певучей из них. А на побережье она тонула в шуме моря и до самозабвения любовалась бесконечно приливающими, отступающими и вновь тянущимися к берегу волнами. Временами Никка встречала рыбаков, но предпочитала держаться от них подальше и старалась незаметно обойти их лодки стороной, несмотря на то, что рыбаки всегда очень добродушно приветствовали ее и неизменно махали ей рукой. Иногда Никка все же преодолевала свою робость и приближалась к разложенным на берегу сетям, чтобы посмотреть на улов. Как-то раз один старый рыбак подарил ей целую горсть красноперых золотых рыбок. Никке некуда было положить подарок, и она, после некоторых колебаний и не без внутренней борьбы, развязала узелок с папиным обедом, вытащила единственную подходящую посудину – кастрюльку с супом для папы, вырыла в прибрежном песке ямку и вылила в нее суп. Взамен супа Никка налила в кастрюльку морской воды и запустила плавать подаренных золотых рыбок. Совесть мучила и грызла ее всю дорогу до королевской усадьбы, напрасно Никка пыталась заглушить ее уговорами, что папе вполне хватит горячих пирожков, хлеба, сала, яблок и печенья с маслом, чтобы наесться от души. Папа и в самом деле как будто бы ничего не заметил: с аппетитом упледел обед и сердечно поблагодарил Никку. Но на сердце у Никки все равно было беспокойно. По пути домой она решила взглянуть на рыбок. Но, развернув полотенце и сняв крышку с кастрюльки, Никка обнаружила, что рыбки все до единой плавают вверх брюхом, закатив помутневшие глаза. И как ни пыталась Никка оживить их, щекоча гусиным перышком и тыкая палочкой, рыбки продолжали безжизненно дрейфовать с уныло повисшими плавниками. Никка похоронила их на морском берегу, засыпав могилку галькой и песком, и возвратилась домой вся в слезах. Остаток дня она просидела в спальне под кроватью, оплакивая рыбок и бесполезно вылитый папин суп. К ужину она не вышла –

уж очень стыдно было явиться перед вернувшимся с работы папой. Но папа все-таки зашел пожелать ей спокойной ночи. У папы и Никки была игра: за обедом папа утаивал от Никки пирожок, кусочек хлеба или яблоко, а вечером вручал ей этот скромный дар со словами: «Это тебе лисичка с Медвежьей горы передала гостинец!» В тот день, когда погибли золотые рыбки, папа припас для Никки печенье с маслом и вечером, целуя ее перед сном, вложил гостинец ей в руку. Никка посмотрела на печенье, и ее губы вновь задрожали от горького плача. Уткнувшись носом в большую и теплую папину шею, Никка долго всхлипывала, пока, наконец, не собралась с силами шепотом признаться ему на ушко в своем обмане. Добрый папа, конечно, сразу же простил и даже пожалел Никку, но у нее в памяти надолго остался этот случай. В грустные дни, когда в голову сами собой скопом лезут дурные мысли, Никка с болью вспоминала и вылитый в песок вкусный суп, и мертвых золотых рыбок, и папины глаза, когда она рассказывала ему, что случилось.

И вот Никка впервые собралась нести папе обед вместе с Олли. Накануне бабуля и дедуля разрешили Олли отправиться в путешествие на Медвежью гору вместе со старшей сестрой. «Но сначала упражнения!» – строго добавил дедуля, который каждый божий день занимался с Олли верховой ездой в поле и на заднем дворе. Никка иногда подсматривала за их упражнениями через забор и умирала со смеху: дедуля наблюдал, как Олли верхом на Урффе выполняет его команды, и при этом ужасно забавно подпрыгивал, если все получалось, или приседал и охал от досады, когда Олли вылетала из седла, а еще хлопал в ладоши, сморкался, закрывал глаза руками, жевал поля своей старенькой шляпы, взмахивал кулаком и кричал: «Ап! Ап!» А Олли верхом на толстоногом Урффе гарцевала по вытоптанной поляне и скакала через преграды: ведро, скамеечку, чурбак для колки дров, цветущие кусты шиповника. Как-то раз Олли умудрилась самовольно перемахнуть через высокую ограду, отделявшую сад от роши. Но Урффе при этом выбил копытами верхнюю жердь и едва не повалил всю ограду, а Олли при его приземлении вылетела из седла головой вперед и чуть не свернула шею. Никка видела, как дедуля мертвенно побледнел и упал на колени. Она и сама едва не свалилась с забора от страха за сестренку. Уже в следующую секунду дедуля вскочил и побежал за Олли, громко ругаясь и грозясь отлупить ее хворостинкой за своеволие, хотя понятно было, что он и пальцем не тронет свою любимую храбрую и отважную ученицу. Олли, которая не успела испугаться, лишь хохотала.

Утром Олли, как обычно, вскочила первой и, наспех перекусив, утащила дедулю на задний двор, чтобы поскорее сделать все упражнения и бежать на Медвежью гору. Никка, любившая поваляться в постели с книгой, встала поздно. Солнышко уже давно поднялось над деревьями и настойчиво светило ей в окно. С кухни доносились аппетитное шкворчание масла на сковородке и теплый вкусный запах свежее испеченных блинов. На завтрак будут блинчики, обрадовалась Никка, блинчики со сметаной, вареньем и медом! Как хорошо было просыпаться солнечным утром и слышать хвалебное пение птиц в саду и уютное копошение бабули на кухне! Хорошо было уплетать ее вкуснейшую стряпню за завтраком, запивая угощение обжигающим черным чаем с душицей, мятой и смородиновыми листьями! А еще лучше было знать, что впереди – бесконечно длинный летний день и еще много таких дней в придачу!

– На обед потушу кролика с грибами и картошкой, – сообщила между делом бабуля.

– А мне что? – полюбопытствовала Никка, которая с самых ранних лет не ела ни мясо, ни птицу, отказываясь даже от знаменитого бабулиного курника, внутри которого, по словам дедули, могло поместиться полкоролевства. Курник казался Никке могилой из теста, наполненной костями безвременно ушедших цыплят.

– А тебе будут пирожки с творогом в сладких сливках, – улыбнулась бабуля. Никка радостно пискнула и бросилась обнимать бабулю. Пирожки с творогом были ее самым любимым лакомством: крохотные, размером с Оллину ладошку, и очень сочные, они выпекались в большой белой печи, а потом складывались в чугунок, заливались свежайшими сливками

и густым сахарным сиропом и отправлялись обратно в печь, где томились до тех пор, пока печь не остынет. Когда бабуля вынимала раскаленный чугунок из печи и выкладывала горячие пирожки на блюдо, они из-за сливок с сахаром казались покрытыми слоем матового лака. Поедать пирожки нужно было так: сначала следовало осторожно надкусить пирожок с края и выпить сладкий творожный сок, а затем можно было запихнуть все остальное в рот и жевать, жмурясь от удовольствия. Каждый пирожок был нежным и мягким, словно облачко, и таким вкусным, что когда он таял во рту, Никке казалось, что у нее одновременно тает сердце.

После завтрака бабуля ушла во двор, где в загоне мирно жевали траву жирные кролики, а Никка осталась на кухне лепить пирожки к обеду. Она очень любила комкать в ладошках липкое тесто, растягивать его, раскатывать по столу и вязать из него косички. Вдобавок к пирожкам Никка, как обычно, слепила несколько фигурок из теста: балерину, мальчика с лютней и райскую птичку. Никка знала, что тесто, надышавшись горячим воздухом в печи, распухнет, расплзется, поднимется, и балерина превратится в бородатую толстуху, мальчик с лютней – в старика с мешком, а райская птичка – в пингвина или утконоса, и Олли снова будет до колик хохотать над ее фигурками, но все равно продолжала их лепить и выкладывать на противень рядом с пирожками, аккуратно присыпая сверху мукой. Вернулась бабуля, пряча за фартуком окровавленного кролика, ловко разделала его на доске и сложила порубленные куски мяса в чугунок, а затем убрала чугунок и противень с пирожками в жарко растопленную гудящую печь. А пока ужин пекся, бабуля повела Никку в сад поливать цветы. Но сперва нужно было заглянуть в виноградник и подвязать отросшие виноградные усы, чтобы они росли вверх, к солнцу, а не оплетали камни, которыми была выложена тропинка. Никка всегда вступала в густой лабиринт виноградника с опаской: как-то ночью во сне ей приснился чудовищный оживший зеленый виноград, страшно разгневанный из-за крепко подвязанных усов, который рвался оплести Никку своими толстыми извивающимися лозами и задушить насмерть. Поэтому Никка всегда шла по тропинке через виноградник, сжавшись в комок и обхватив себя за плечи руками, чтобы ненароком не задеть виноградные усы, а бесстрашная бабуля, как ни в чем не бывало, раздвигала лозы, срывала увядшие листья и без лишних нежностей подвязывала усы прочным шнурком. В саду бабуля поливала овощи на грядках и плодовые деревья, а Никка поила цветы: нежные изысканные ирисы, пышные похожие на взбитые сливки с клубникой пионы, бархатные алые и атласные белые розы, пахнущие карамелью и шоколадом, и свои любимые гладиолусы, цветки которых напоминали Никке воздушных парящих в танце балерин. Были в саду и цветы попроще, например, безыскусные веселые ромашки или занесенные ветрами с земляничных лугов пронзительно синие колокольчики и голубые, как папины глаза, васильки. В самом отдаленном уголке сада у пересохшего колодца пламенели в полумраке деревьев роскошные маки, которые быстро сгорали, и чьи опавшие лепестки, заботливо собранные Никкой и спрятанные между страниц ее книжек, прямо на глазах чернели и со временем рассыпались пеплом.

Возвратившись из сада, бабуля и Никка обнаружили деловито сидящую на крылечке Олли с ведерком и сачком наготове.

– Когда понесем папе обед? – тут же спросила она, вскочив на ноги.

– Сперва сами отобедаем, – улыбнулась ее нетерпению бабуля.

За обедом дедуле и папе были отложены самые большие куски запеченного с овощами кролика.

– Тебе какую часть отрезать? – поинтересовалась у Олли бабуля.

– Положи мне ножку, бабуля! – скомандовала Олли, – Мальчишки с Медвежьей горы говорят, если есть кроличьи ножки, будешь бегать быстрее всех! Правда, Никка?

Но Никка не слышала сестренку, она мечтательно жевала сладкий пирожок, глубоко погрузившись в какие-то неведомые приятные мысли.

Отобедав, девочки приняли от бабули узелок с кроликом и пирожками для папы и отправились в долгий путь. Дедуля и бабуля строго-настрого наказали Никке не упускать малышку Олли из виду, и поначалу Никке приходилось нелегко. Спускаясь с Земляничной горы, Никка то и дело бежала вприпрыжку, пытаясь догнать весело летящую вперед Олли с надутым ветром сачком, и скоро запыхалась. А Олли беззаботно кружилась, радуясь каждому луговому цветку и наугад взмахивая сачком, в котором порой запутывались то недостаточно юркая великанша-стрекоза с радужными крылышками, то замечтавшаяся нежная бабочка-махаон. Олли тут же отпускала свою добычу на волю и продолжала радостно скакать вперед, словно жеребенок, которого впервые выпустили на пастбище. Иногда она подбегала к Никке, чтобы показать ей свой улов: бабочек, пчел, майского жука или божью коровку. А однажды Олли принесла Никке горсть зеленых твердых, как камушки, ягодок земляники, крепко зажав их в маленьком кулачке. На вкус они оказались похожими на луговую траву.

– Не созрели еще, – вздохнула Никка и велела Олли больше не рвать ягод.

Когда девочки спустились в рощу у подножия Земляничной горы, Олли немного притихла и перестала убежать вперед. Сестры медленно шагали через тихую рощу по тропе, словно усталой тигровой шкурой теней от неподвижной листвы, и то и дело запрокидывали головы вверх, к голубому небу, где неслышно трепетали верхушки деревьев и, пролетая, мягко шелестели крыльями лесные птицы.

– Какое у тебя самое любимое дерево? – неожиданно спросила Олли у Никки.

– Липа, – подумав, ответила Никка, – Но апельсиновые деревья я тоже люблю! Бабуля говорит, их будет много в раю.

– А у меня – тополь! – выпалила Олли.

– Почему тополь?

– А он – самый веселый! – воскликнула Олли и засмеялась.

Едва девочки вышли на побережье моря, как Олли совсем потеряла голову от радости.

– Море! Никка, смотри, море! – в восторге закричала она.

– Ну, конечно, море, – успокаивала ее Никка, – Мы же сюда уже сто раз приходили с дедулей и бабулей!

– А с тобой одной – ни разу! – возразила Олли и с ликующим воплем помчалась к воде.

Морской прилив привел ее в буйный восторг: сначала Олли бежала вслед за отступающими волнами в море, а затем, когда волны оборачивались вспять и начинали мощно накатывать на берег, убегала от них изо всех сил. Волны всегда оказывались чуть быстрее малышки Олли и непременно сметали ее с ног и несли, словно горошину, кувыряя, попеременно с галькой и песком, прямо к ногам беспокойно мечущейся на берегу Никки. Вынырнув из пышной морской пены, Олли, свеженькая, бодрая, промокшая насквозь, с ярко блестящими круглыми глазенками, несмотря на все протесты Никки, снова разворачивалась к морю и бежала за отходящими волнами, которые, заманив ее далеко-далеко, резко переходили из отступления в атаку, снова и снова подхватывая, неся и выбрасывая крошечную Олли на берег напрямик в объятия перепуганной Никки.

На пути девочкам, как всегда, встретились рыбаки, и любопытная Олли направилась напрямик к их лодкам, оставив Никку жаться в одиночестве у прибрежных обломков скал. Подойдя, Олли с улыбкой до ушей представилась рыбакам, потом, показав пальцем на прятавшуюся Никку, рассказала им, что путешествует с сестрой, а затем обстоятельно и подробно объяснила добродушно ухмыляющимся морским волкам, откуда, куда и зачем они идут в столь жаркий полуденный час. Бойкая Олли так понравилась рыбакам, что они подарили ей огромного краба, который едва уместился в ее маленьком ведерке и забавно выглядывал оттуда, выставив кверху устрашающего вида клешни.

Девочки долго шли вдоль побережья под палящим солнцем, и непривычная к подобным походам Олли потихоньку начинала выбиваться из сил. Когда сестры, наконец, добрались до

темного и глухого Медвежьего леса, Олли уже совсем перестала забегать вперед или кружиться и путаться у Никки под ногами. Наоборот, она то и дело отставала от Никки и каждый раз глубоко и тяжело вздыхала. В конце концов, Никка крепко взяла Олли за руку и решительно повела рядом.

– Никка, шагай помедленнее! – возмутилась Олли, шумно сопя и обливаясь потом.

– Пить хочешь? – сочувственно спросила Никка.

– Да, хочу водички, можно? – тут же оживилась Олли и с грустью добавила, – И мороженого очень сильно хочу.

Никка дала сестренке попить сладкого чая из папиного термоса, после чего девочки с новыми силами продолжили нелегкий путь. В Медвежьем лесу было очень тихо, прохладно и темно. От покрытых мхом деревьев тянуло сыростью, пахло ежевикой, улитками и грибами. Вскоре Олли и Никка оказались у подножия величественного раскидистого королевского дуба.

– Какой здоровый дуб! – вырвалось у изумленной Олли, – Это не дуб, а целый дубище!

Вид огромного прекрасного дерева словно придавал ей сил, и Олли, мигом позабыв про усталость, папин обед в узелке, краба в ведерке и даже про Никку, взмыла, словно птица, на самую толстую нижнюю ветку дуба и принялась быстро карабкаться все выше и выше. Вскоре ее маленькая, крепко сбитая фигурка скрылась из виду в густой курчавой листве вольно раскинувшейся гигантской кроны королевского дуба, и как ни кричала и ни звала ее снизу побледневшая от страха Никка, с высоты в ответ не доносилось ни звука.

– Олли! – упавшим голосом звала сестренку Никка, – Олли, вернись!

Какое-то время наверху было очень тихо, даже листва не шуршала. Затем чуть слышно шелохнулась ветка, и из-за зелени Никка увидела знакомые золотые кудри Олли.

– Никка, я не могу спуститься! – донесся звонкий Оллин голосок, – Я не знаю, как!

– Спускайся так же, как поднималась! – прокричала ей Никка.

– Я не помню, как поднималась! – печально послышалось в ответ.

– Не смотри вниз! – велела Никка, дрожа от страха, но стараясь командовать уверенно и четко, – Слушай меня внимательно! Делай только то, что я тебе скажу, и ни за что не смотри вниз, слышишь?

– Хорошо! – откликнулась Олли.

– Шагай влево! – приказала Никка, бегая вокруг дуба и изо всех сил вглядываясь в его пушистую зеленую крону, – Ставь ногу на ветку слева и спускайся вниз! Не торопись! Сначала попробуй ветку, выдерживает она тебя? Выдерживает? Тогда иди по ветке до конца! Иди, не бойся! А теперь подтянись и хватайся вон за ту кривую ветку! Где-где, у тебя над головой! Перепрыгивай на толстую ветку справа! А теперь спускайся! Там ветки идут одна за другой, как ступеньки! Спускайся смело, но не торопись, а то мало ли! Да не смотри ты по сторонам, Олли! И вниз не смотри! Если хочешь, можешь смотреть на свои ноги, но вниз смотреть нельзя!

Едва оказавшись на земле, Олли подбежала к Никке и порывисто прижалась к ней, пряча лицо у нее на груди. Она подозрительно сопела, и Никка не решалась ее обнять, боясь, что Олли расплачется.

– Ну-ну, не надо, – еле слышно повторяла Никка, осторожно глядя сестренку по голове, – Вот ведь дуб, да?

– Да, – приглушенным голосом согласилась Олли, – Огромный.

Так девочки и стояли в лесной тишине, прижимаясь друг к другу, пока не успокоились, а затем молча принялись взбираться вверх на Медвежью гору по широким деревянным ступеням полуразрушенной лестницы. На террасе за облаками их уже поджидал папа. Увидев его родную добрую улыбку, Олли выронила ведерко и сачок, помчалась к нему со всех ног и припала к папиной груди с ликующим воплем. А папа подхватил ее на ручки, посадил себе на плечи и пошел навстречу запыхавшейся Никке, замершей поодаль. В одну руку он взял узелок с обедом и ведерко Олли, в другой зажал худенькую ладошку Никки и повел своих дочек в волшебный

сад к старинному фонтану с чашей из белого мрамора. Там Никка и Олли уселись в блаженном покое и с молчаливым восхищением огляделись вокруг, любуясь апельсиновыми и лимонными деревьями и диковинными цветами, пока папа раскладывал на камушке еду.

– Папа, это правда, что у нас будет братик? – вдруг выпалила в наступившей тишине Олли.

– Да, – просто ответил папа.

Самым лучшим в папе, кроме бесконечной доброты, была его искренность. На трудные и непростые вопросы папа всегда давал краткие ясные и честные ответы, прозрачные, словно стеклышки, понятные даже младенцу. Что бы ни делал папа, к чему бы ни прикасались его большие руки, все носило отпечаток его доброты и простоты. Дома, которые он строил, были не слишком изысканы, но величественно красивы и надежны, готовые прослужить не годы, а многие века. Мебель, которую делал папа, была самой удобной и уютной на свете. Но особенно хороши были игрушки, которые папа вырезал из остатков дерева для своих любимых дочек Олли и Никки. Все эти коровки, лошадки, ослики смотрели на девочек такими добрыми и кроткими глазами, что хотелось прижать их к груди крепко-крепко и никогда не отпускать. А еще игрушки были очень легкими и гладко выточенными, отчего их приятно было держать в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.